

УДК 10(09)

*С.В. Соловьева**

БОГАТСТВО И СОБСТВЕННОСТЬ КАК ОПЫТ ВЛАСТИ НАД ВЕЩАМИ**

Статья посвящена анализу феноменов богатства и собственности как опыта власти над вещами. Исследование показало, что власть богатства имеет значение не только силы и мощи влияния на людей и обстоятельства, но также и владения, где ресурс делается доступным для контроля и обозрения. Богатство – это не средство для чего-то, но значимо само по себе как опыт власти, организующий цели, желания, поступки людей. Эксплицирован экзистенциальный смысл собственности как переживание «своего» в отличие от «чужого». Власть человека над вещами, переживания обладания ими принадлежит самому существу человека.

Ключевые слова: власть, богатство, собственность, обладание, экзистенция, смысл.

*От него пахло не то духами, не то цветами.
«Богатством», – догадалась Женя.
Л. Улицкая. Счастливый случай*

В центре внимания статьи человеческий опыт власти над вещами. Кто-то скажет: «власть над вещами» не является научной категорией, т.к. исходный смысл власти заключен в способности влияния, управления людьми, а не предметами, поэтому «власть над вещами» скорее метафора. Думаю, что это возражение имеет смысл, но мне представляется, что человеческий опыт владения, упорядочивания, управления системами вещей также можно рассматривать как тип власти. Выражение «власть над вещами» хотя и метафорично, но существенно, т.к. указывает на важную цепочку смыслов и высвечивает возможное разнообразие перспектив анализа власти. Думаю, что в эпоху тотального массового потребления, техницизма, засилья вещизма назрела острая необходимость

* © Соловьева С.В., 2009

Соловьева Светлана Владимировна – кафедра философии гуманитарных факультетов Самарского государственного университета

** Статья выполнена в рамках Президентского гранта поддержки научного потенциала НШ-1451.2008.6

понять: как организована власть над вещами, в чем специфика власти как владения/управления вещами и ее отличие от власти над людьми по модели господство/подчинение? Именно вопрос об отличии власти как владения от власти как господства создаст проблемное поле и позволит исследовать власть в неполитической, не-институциональной плоскости. Решение так поставленной проблемы возможно на пути экзистенциальной методологии, позволяющей представить власть не как систему институтов (например, экономическая политика государства, институт собственности и пр.), а как опыт владения вещью, представляющей человеку ценной и значимой.

Власть над вещами кажется очевидной и всеобъемлющей, т.к. человек может проявить любой произвол по отношению к ним. Если человек может сопротивляться господству, то вещь — это пассивный предмет. Кажется, здесь все ясно, но это не так. Уже при самом беглом обозрении нашего опыта владения вещами можно отметить ряд сложностей, на которые мы натываемся в ситуации власти над вещами. Например, вещь может потерять ценность, и власть над ней будет уже не столь значительной — так если бы вы владели редкой антикварной вещью, а на поверку она оказалась бы искусной подделкой, или если бы вы хранили ваши сбережения в ценных бумагах или деньгах, и однажды предприятие или государство стало банкротом... «Плакали ваши денежки», — что еще скажешь? Власть как владение рискованно, т.к. распоряжение вещью находится под угрозой ее кражи, потери, экспроприации и прочих исчезновений.

Проблематичность власти как владения вытекает из рискованности любого владения. Риск связан не только с угрозами потери, но также с тем, что человек, движимый жаждой новых обретений, решает нетривиальные задачи и сталкивается с ситуацией неопределенности. Предприниматель, финансист, легальный или преступный воротила, даже обыватель, скапливающий деньги на что-то, пребывают в «зоне риска». Необходимо различить риск как социальную (уже экономическую) ситуацию и риск как специфическое экзистенциальное расположение человека. Любой рискогенный вызов активизирует «собственные силы, возможность поиска нетрадиционных ответов» [1. С. 225-240]. Рискованность переживается в связи с тем, что владение (власть над вещью) вводит человека в ситуацию выбора. Человек, входя в зону риска, формулирует запрос (вопрос) от вещи к экзистированию, тем самым интенсифицирует свое существование, выдвигает свое бытие на границу. Жажда обладания вещью ставит человека в ситуацию неопределенности:

— Да, — отозвался Каупервуд, — обстановка как нельзя более благоприятная — тут можно с одинаковым успехом пойти в гору или же очутиться на дне, причем и то и другое достаточно быстро.

— Вот именно, — сказала Беренис. — Но я-то попробую пойти в гору. Так рассуждают герои романа Т. Драйзера «Стоик» [2. С. 139].

Жажда обладания вещью ставит человека в ситуацию выбора, толкает его к определенным мыслям, действиям, поступкам. Риск — это способ спровоцировать себя на поступок, это зона силы и энергии, которая подводит человека к выбору, понуждает его действовать. Риск открывает конфликтное измерение бытия человека. Риск интенсифицирует силовой, властный характер человеческого существования. Жизнь, как когда-то заметил Ницше, не состояние нужды, а богатство и избыток, в ней есть и борьба, и победа, через которые реализуется потребность человека быть по принципу воли к власти.

Жажда власти над вещами вводит человека в зону риска, туда, где ситуации сопутствуют случай и непредсказуемость, а значит, необходимы такие качества

экзистенции, как смелость, мужество и решительность. Как она выражается в отношении жадности обладания вещью?

Аристотель полагал, что мужество — это «обладание серединой между страхом и отвагой». Всякое обладание серединой — благоразумие, а избыток — распущенность. Что касается даяния, приобретения или обладания имуществом, то в человеке могут проявиться такие качества, как щедрость (опыт середины, благоразумия во власти над вещью), или мотовство (происходящее из опыта избытка), а может, и скупость (уходящее в переживание недостатка). Всякие крайние состояния в обладании, как полагает Аристотель, есть нарушение меры между избытком и недостатком. Скупость — это избыток в приобретении и недостаток в расточении, мотовство — избыточное расточение и недостаточное приобретение. Щедрость человека связана с соблюдением меры между крайностями, и применительно к чести человека называется им «величием» [3. С. 88-89]. Границы богатства не выходят за пределы имущества, как полагал Аристотель. «Богатство, — пишет он, — относится к используемым вещам, и лучше всех пользуется всякой вещью тот, кто обладает соответствующей добродетелью. [...] А таков щедрый. Пользование — это, по-видимому, трата и даяние имущества, а приобретение и сбережение — это, скорее, владение» [3. С. 121]. Щедрость претупает меру в даянии, потому не всякий щедрый способен быть богатым. Щедрость — добродетель, она должна держаться середины между даянием и приобретением. Для щедрого имущество — средство для свершения добродетельных поступков.

Самопотакание и трусость не помощники в поисках богатства, мужество же в обладании ценностями (материальными, символическими, интеллектуальными) связано с экзистенциальной решимостью и держится середины между размеренной аскезой и расточительством. В экзистенциальной перспективе власть как владение пролегает через опыт скольжения между избыточностью даров (удовольствие и наслаждение властью) и аскетическим удержанием себя перед расточительностью дара (самообладание, (само)держание-(само)державие власти).

В русской языковой культуре слово «власть» является однокоренным со словами «владение», «волость» [4], язык делает зримым важный оттенок в значении слова. «Владеть чем, — как пишет Даль, толкуя понятие, — владать, обладать; владычествовать властвовать; управлять полновластно; иметь в своей собственности, называть по праву своим. Владеть государством; владеть рукою, ногою; владеть помещьем. [...] Владение, власть. Своя рука владыка. Своя рука, да над своим добром — владыка» [5]. Власть не только мощь и сила, но также и владение, т.е. нечто такое, что распространяется на способность обозрения территории, то, что делает для человека нечто открытым и очерченным в границах. Власть как владение открывает перспективу простора, поэтому богатство в культуре не только экономический феномен (здесь власть предстает в образе могущества и силы), но выходит за эти рамки.

Власть как владение максимально выражается в таких феноменах, как богатство и собственность, т.к. их первичный и непосредственный смысл связан с владением, использованием имуществом (в данной статье это трактуется как власть над вещами). Понятие богатства является ключевым в дискурсе экономической науки, особенно начиная с XVIII в. (достаточно вспомнить главный труд А. Смита «Исследование о природе и причинах богатства народов»). Человек богат или беден в той степени, в какой он «может пользоваться предметами необходимости, удобства и удовольствия». Состояние дает возможность «покупать, располагать всем трудом или всем продуктом труда, который имеется на

рынке». Богатство находится в «прямом соответствии с размерами этой возможности, т.е. количества труда других людей, которое он благодаря своему богатству может купить или получить в распоряжение» [6. С. 103-104]. Богатство есть совокупность социальных возможностей для свободной деятельности в сфере производства и потребления вещей. Богатство, полученное по наследству, открывает доступ к управлению государством. Так разумелась связь власти и богатства в эпоху расцвета капитализма: богатство — способность создавать капитал и управлять ситуацией и людьми через его посредство.

По мнению Н.О. Вилкова, на определенном историческом этапе человечество обретает «свойство богатости». Богатость определяет «уровень успешности деятельности». Богатость проявляется в том, что «страсть к существованию трансформируется в страсть к приобретению богатства, то есть предметно представленной совокупности общественных возможностей существования» [7. С. 150]. Страсть к обладанию имуществом (вещами) определяет экономическую деятельность людей. Современный взгляд на богатство исходит из его энергичного, силового определения. Если Бэкон говорил «знание — сила», то можно с уверенностью утверждать: «богатство — это сила, и только поэтому власть».

Богатство — это понятие, содержащее множество коннотаций (подчас резких и отрицательных), но понимание богатства как ресурса власти над людьми (как обычно его рассматривают) недостаточно, т.к. этот смысл является лишь последствием более изначального опыта власти, который неявно присутствует в расхожем понимании богатства. Думаю, что этот первоначальный опыт богатства связан с владением, управлением, упорядочиваем предметной среды. Богатство — это «сжатый» опыт, это «превращенная форма» отношения к вещи, власти над нею. Богатство всегда предметно. Вещь как ценность и богатство определяется в человеческом опыте и культуре как вещь, подчиненная человеку, которой человек может распоряжаться для увеличения своей силы влияния на другую вещь или другого человека и т.п. Богатство есть ресурс в том смысле, что здесь реализовалась, объективировалась «власть человека над вещами», над предметностью и т.п.

Опыт богатства увязан с действием хозяйствования, обживания мира как собственного мира. Богатство не только цель деятельности человека, но особый тип экзистирования в мире. Это опыт хозяйского и хозяйственного существования, ресурс которого располагается в возможности попадания человека в топысы избыточности (щедрость, дар и пр.) или недостатка, нехватки (нищета, пустота, потеря и пр.). Богатству сопутствуют расточительность, мотовство и скупость, если одна из составляющих перевешивает, то теряется крепость власти. Богатство как опыт власти над вещами не может «сгубить» человека, т.к. оно не шальные деньги, не потеря, не случай на миллион, но способ экзистирования. Аристотелевское понимание богатства как блага, которое «полезно» и существует ради чего-то другого, недостаточно. Богатство значимо само по себе, т.к. богатство как опыт власти организует, упорядочивает желания, поступки, цели, оно не средство, но способ «плетения» самой ткани жизни. Богатство как опыт власти над вещами первоначально связано с управлением имуществом, а затем это навык упорядочивания и распоряжения переходит на управление людьми и институтами. Так появляются такие социальные фигуры, как «хозяин», «финансовый магнат», «олигарх», в сферу власти которых начинают входить множество людей, интересов, институтов.

Властное измерение богатства связано с осознанием человека «моего», «своего». Переживание «собственного» в отношении к вещи происходит из навыка

различия «своего» и «чужого» в сфере вещей и организации порядка в отношениях человек/вещь, человек/человек. Подобное отношение человека к вещи реализуется через опыт, переживание и институт собственности.

Социальный и экзистенциальный опыт собственности может быть очерчен следующими мотивами. Во-первых, собственность соответствует индивидуальному способу бытия. «Мое» в противоположность всякому «чужому» входит в мой опыт не внешними условиями, а моментом «присвоения», т.е. внутренним постановлением предела, границы и препятствия для другого, как верно подмечает В.Ф. Эрн [8. С. 197]. Фактическая сила «присвоения» создает ситуацию, когда становится невозможным пользоваться вещью другого, при этом мораль никак не задействована в изначальном расположении человека к имению «собственной» вещи, через собственность выстраиваются границы и осознается особенность «моего».

Собственность, во-вторых, дает человеку силы в реализации своих проектов, это ресурс, символ и мощь его влияния на ситуацию. Власть над вещами в собственности дает человеку опыт свободного действия в мире, уверенности и полноты существования («состоятельность»). Человек распространяет свою власть на те вещи, которыми он потенциально в силах обладать, с чем он может справиться во всех смыслах (в энергичном, нравственном, экономическом, правовом и пр.). Право собственности хотя и связано со сферой свободы личности, но, по версии Франка, не имеет никакого нравственного оправдания [8. С. 313-314]. Думаю, собственность и не нуждается в апологии. Человек, движимый жадной обладания вещью, проявляет свободу воли и желания вплоть до крайнего произвола. Но собственность заключает в себе антиномии свободы и зависимости. Собственность дает не только состояние социальной, финансовой свободы, но также имеет тенденцию к превращению человека в раба вещей и богатства.

*О! мой отец не слуг и не друзей
В них видит, а господ; и сам им служит.
И как же служит? как алжирский раб,
Как пес цепной. В нетопленной конуре
Живет, пьет воду, ест сухие корки,
Всю ночь не спит, все бегаёт, да лаёт.
А золото спокойно в сундуках.
Лежит себе...*

А.С. Пушкин

В-третьих, собственность способна задавать критерий ценности в отношении к вещам, деятельности, людям. Фактом обладания той или иной вещью человек демонстрирует границы и качество своей власти. Вещь становится указателем, маркирующим принадлежность к политической, социальной, экономической, возрастной и прочим группам. Человек попадает в значимые топосы социума, где вещь — показатель количества и качества собственности, которой он владеет. Через владение вещью человеку открывается доступ к определенным ценностям и знакам уважения, почета, власти. В социологии и философии эту тему широко обсуждают Бурдьё, Бодрийяр. Поэтому собственность как форма власти, говоря словами Б.Н. Чичерина, есть краеугольный камень всего общественного порядка [8. С. 114]. Революция, приватизация, гражданские войны — это всегда бунт против устоявшегося порядка собственности.

Собственность как форма власти над вещами задается опытом различия. Относительность между *собою* и *своим* есть и во внутреннем переживании соб-

ственности, и в сфере внешней собственности как социальном институте, о чем писал Вл. Соловьев [8. С. 168]. Я бы добавила, что в собственности есть не только различие *себя* и *своего*, но также различие *своего* и *чужого*, а это еще один ракурс различия в опыте собственности как власти. Вещь, как парадоксально сказал Хайдеггер, открывает нам понятие близости. «Близость, по-видимому, — пишет он, — невозможно непосредственно обнаружить. Мы встречаем ее, скорее, следуя за тем, что вблизи. Близко к нам то, что мы обычно называем вещами. [...] Это приведение к близости есть при-близение. При-близение — существо близости. Близость при-близает далекое, а именно как далекое. Далекое хранимо близостью. Храня далекое, близость истинствует в своем приближении. При-близая далекое, близость утаивает саму себя — и остается по-своему самым близким» [9. С. 317, 323].

Вл. Соловьев, определяя собственность, задается вопросом: на каких основаниях и в силу чего другое делается своим? Обыкновенно на это вопрос отвечают двойко: собственность образуется либо на пути труда, либо на пути завладения, захвата. Соловьев приходит к другому заключению: труд не производит никаких вещей, он лишь производит «полезности», поэтому он не создает право собственности. Нет реального (трудового) основания собственности, оно идеально [8. С. 170-172]! Полагаю, пере-живание собственности не связано с трудом, оно в своем крайнем выражении есть опыт стяжательства. Стяжательство не в смысле крайней формы скупости и жадности человека (как черта поведения человека), но стяжательство как действие «собираения», «стягивания», «концентрации», «добывания», или как церковное — «снискивать» и т.п. Показателен конфликт сына (Альбера) и отца (скупого рыцаря), описанный Пушкиным. Противостояние Альбера и рыцаря — это конфликт противоположных идеологий и стратегий в отношении к вещам, здесь представляются разные концепты богатства:

*Деньги? — деньги
Всегда во всякий возраст нам пригодны;
Но юноша в них ищет слуг проворных
И не жалея шлет туда сюда.
Старик же видит в них друзей надежных
И бережет их как зеницу ока.*

А. Пушкин

Для сына богатство, вещи, деньги — это источник наслаждения, блеска и роскоши. Для скупого рыцаря власть над вещами дарует ему состояние могущества:

*Мне все послушно, я же — ничему;
Я выше всех желаний; я спокоен;
Я знаю мощь мою: с меня довольно
Сего сознания...*

Опыт распоряжения богатством, полученным по наследству, радикально отличается от богатства, полученного как результат стяжания. Главный упрек стяжателю — его жадность, жадность к тому, чтобы получать больше и больше. Сила богатства, полученного по наследству, есть дар, который человек получает по факту рождения. Сила богатства стяжателя проделывает трудный путь по упорядочиванию процесса концентрации силы вещей.

Проблема собственности кроется в конечности жизни собственника и обнаруживается в вопросе о наследии, преемстве власти. Искусительность собственности не столько в том, что она создает иллюзию полной власти, сколько в том,

что с ее помощью человек реализует идею бессмертия в жизни. «Собственность, — как пишет Бердяев, — по природе своей, есть начало духовное, а не материальное. [...] Начало собственности связано с метафизической природой личности, с ее внутренним правом совершать акты, преодолевающие быстротечное время. [...] Начало собственности связано с бессмертием человеческого лица, с правами его над материальной природой после его смерти» [8. С. 304].

Трагизм собственности заключен в том, что она есть феномен власти, а значит, она событийна. Стяжание собственного есть событие обладания и управления силой вещей, тогда как ее «метафизический» запрос от имени человека состоит в том, чтобы получить опыт преодоления смерти. В институте собственности важен механизм наследования как способа *возвращения* власти над вещью. Наследование есть способ возвращения власти применительно к вещи, оно важно в двух отношениях. Во-первых, власть как событие имеет разрывы во времени, а значит, необходимо нечто такое, что возвращало бы ее к истоку, поэтому наследие обнаруживает преемственность власти человека над вещью. Во-вторых, наследование важно как возможность передачи и сохранения власти над вещью во времени после смерти человека. Здесь собственность значима как победа над неотвратимым и трагичным утеканием времени.

Власть человека над вещами, само переживание обладания ими тотальна и принадлежит самому существу человека. Богатство и собственность позволяют существовать человеку под знаком владения, приобретения и управления вещами, что радикально отличает этот тип власти от политической власти по модели «господство/подчинение».

Библиографический список

1. Общество риска и человек: онтологические и ценностные аспекты / под ред. проф. В.Б. Устьянцева. — Саратов: Изд. центр «Наука», 2006.
2. Драйзер, Т. Стоик: Роман. Рассказы / Т. Драйзер. — М.: Эксмо, 2005.
3. Аристотель. Никомахова этика // Аристотель. Собр. соч.: в 4 т. — М.: Мысль, 1983. — Т. 1.
4. Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка / А. Фасмер. — Режим доступа: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/vasmer/37878/власть> 02.01.2009.
5. Даль, В. Толковый словарь живого великорусского языка / В. Даль. — Режим доступа: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc2p/215394> 02.01.2009.
6. Смит, А. О природе и причинах богатства народов / А. Смит // Антология экономической классики. — М.: Эконов, 1991. — Т. 1.
7. Вилков, Н.О. Философия богатства / Н.О. Вилков. — Тюмень: Изд-во Тюменского государственного университета, 2000.
8. Русская философия собственности / сост. К. Исупов, И. Савкин. — СПб.: Ганза, 1993.
9. Хайдеггер, М. Вещь // Хайдеггер, М. Время и бытие: Статьи и выступления. — М.: Республика, 1995.

*S. Solovyova***WEALTH AND PROPERTY AS A KIND
OF POWER EXPERIENCE OVER THINGS**

The article dwells upon the analysis of wealth and property phenomena as a kind of power experience over things. The research showed that the power of wealth has significance not only of force and strength of people and circumstances, but also of possession, where the resource becomes available for control and review. Wealth is not a tool for something but it is significant in itself as it is as a power experience organizing aims, wishes and actions of people. The article shows the explication of the existential meaning of property as experiencing of «one's own» compared with «someone else's». The person's power over things and the experiencing of their possession is inherent to a man.

Key words: power, wealth, property, ownership, existence, meaning.